
Углянские рукописи как источник познания карпатской духовной культуры на рубеже XVII-XVIII вв.

Svetlana Vašíčková

В Институте славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук проводится систематическое исследование кириллических и латинских памятников письменности карпатского происхождения. Результаты проведенных исследований и тексты самих памятников издаются в научной серии *Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae*. До настоящего времени в сотрудничестве с Папским восточным институтом в Риме (*Pontificio Instituto Orientale*) и Центром духовной культуры Восток – Запад Михала Лацка в Кошице вышли четыре тома: Žeňuch, P. – Vasil', S.: *Cyrillic Manuscripts from East Slovakia. Slovak Greek Catholics: Defining Factors and Historical Milieu* (2003); Žeňuch, P.: *Kyrillische paraliturgische Lieder. Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukačevo im 18. und 19. Jahrhundert.* (2006); Zavarský, S. – Žeňuch, P.: *Иоанникий Базилович. Толкование священной Литургии Новаго Закона истинныя Безкровныя Жертвы* (2009); Žeňuch, P.: *Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии* (2013). Материалы для исследования были найдены в рамках полевых исследований в восточной Словакии, а также в зарубежных и словацких архивах.

Разножанровые исследуемые памятники письменности (от учительных евангелий и сборников паралитургических песен до административно-правовых документов и маргинальных записей на полях книг) являются ценным материалом для интердисциплинарного исследования: они содержат сведения культурно-исторического, лингвистического и литературно-фольклорного характера, интерпретация которых открывает богатство византийской духовной традиции на территории бывшей Мукачевской епархии.

Памятники письменности византийского обряда карпатского происхождения до сих пор мало изучены. В настоящее время в Институте славистики им. Яна Станислава САН реализуется проект под названием „Кириллическая письменность в Словакии до конца XVIII века“ (APVV-1-0029), в рамках решения которого коллектив исследователей проводит комплексное изучение кириллической письменности византийско-славянской традиции в Словакии, возникшей на фоне кирилло-мефодиевского культурного наследия, колонизации по валашскому праву, ужгородской церковной унии и других явлений. Проект ориентирован на интердисциплинарное изучение и презентацию кириллической письменной культуры, являющейся неотъем-

лемой частью словацкого культурного наследия. В рамках решения проекта исследуются и публикуются источники, определяющие национальные и культурно-конфессиональные процессы, связанные с культурным развитием византийской церкви славянской традиции в Карпатах. Изучаемые документы литургического, гомилетического, образовательного, катехетического, полемического, апологетического и административно-правового характера представляют собой оригинальный малоизученный комплекс памятников письменности карпатского региона, отражающий культурное сознание представителей византийской традиции в восточной Словакии и современной Закарпатской области Украины.

Одной из целей проекта является опровержение стереотипного утверждения о принадлежности кириллической письменной традиции в Карпатах только одной культуре, поскольку кириллическая письменная традиция принадлежит всем языковым и этническим сообществам, жившим в среде исторической Мукачевской епархии. Проводимые в Институте славистики им. Яна Станислава САН исследования показывают, что данное утверждение некорректно, поэтому в настоящее время необходим новый комплексный систематический подход к кириллической письменности, которая возникла в тесной связи со словацкой культурой.¹

В этой связи очень важно снять и политический акцент с вопросов, связанных с возникновением и конфессионально-этнической принадлежностью рукописей, потому что односторонние взгляды на проблематику их происхождения и функционирования, а также на недостаточное их включение в контекст только одной культуры дают стереотипные результаты, которые неактуальны для исследуемого региона в силу его мультиэтничности и в целом многогранной культурной ситуации.

Регион, в котором возникли исследуемые рукописные книги и сборники, находится на границе между славянским Востоком и Западом. Пограничная территория между двумя славянскими конгломератами *Slavia Latina* и *Slavia Byzantina* включает в себя территории восточной Словакии, бывшей Подкарпатской Руси и юго-западной части Галичины и северо-восточной части современной Венгрии. Данная область неоднородна с лингвистической, культурологической и этнической точки зрения, условия исторического развития отдельных частей этой области тоже разнятся. Благодаря своей неоднородности эта область является объектом научного интереса разных исследователей, она интересна тем, как в ней совмещаются и взаимно влияют друг на друга различные культурно-религиозные традиции и языковые контексты мультикультурной и мультиэтнической среды карпатского региона. Подобное

¹ Подробнее см. на сайте проекта „Кириллическая письменность в Словакии до конца XVIII века“ (ведущий проекта Петер Женьюх) – www.cyrslav.sav.sk

взаимовлияние отражается на всех уровнях культурной жизни людей, в том числе на уровне языка и понятийного аппарата, что находит подтверждение в памятниках письменности, возникших в исследуемой среде.

Исследуемая область неоднородна с точки зрения языка и этнического состава – здесь жили русины и украинцы, словаки и поляки, венгры и румыны, которые были представителями восточного (византийского) и западного (латинского) конфессиональных обрядов. Мукачевская епархия находилась на периферии Венгерского королевства, и эта территориальная удаленность с одной стороны позволяла сохранить национальную и духовную идентичность проживающих здесь людей, их принадлежность к меньшинству, к церкви византийского обряда, а с другой стороны ограничивала технический прогресс и способствовала сохранению архаичного стиля жизни. Эта область в то же время принадлежала к культурному конгломерату *Slavia Byzantina*, в котором также находилась на периферии, и это повлияло на сохранение и развитие собственной, самобытной культуры в рамках указанной общности православных христиан. Мы полагаем, что именно это двойное периферийное положение исследуемой области благоприятно повлияло на традицию создания рукописных книг, а впоследствии и на сохранность памятников письменности.

Феномен рукописной книги в эпоху повсеместного распространения книгопечатания как часть материальной и духовной культуры и подтверждение преемственности культурной традиции заслуживает особенного внимания. В настоящее время нам известно только о четырех печатных книгах, которые были созданы для использования представителями византийского обряда в Мукачевской епархии и имели распространение в указанной области. Характерно, что все они были созданы для обучения детей и подростков грамоте и основам христианского вероучения; не было напечатано ни одной книги административно-правового или богослужебного характера. Первой печатной книгой, о которой нам доподлинно известно, стал «Катехисисъ для науки Огрорускимъ людемъ зложений» епископа Де Камелиса, который вышел в 1696 году. Вслед за ним появился «Букварь языка славенска» того же автора, он вышел в 1699 г. в Трнаве. Следующим стало латинско-церковнославянское произведение о письменах епископа Михаила Ольшавского, изданное в Клуже в 1746 году. Также известно о «Букваре» Яна Брадача, выпущенного в 1770 году в Вене. Однако этот букварь был раскритикован как содержащий ошибки в католическом вероучении и впоследствии сожжен, а автор обвинен в схизме и намеренной православизации греко-католиков Мукачевской епархии.²

Даже уникальное право на печать кириллических книг для нужд греко-католического населения Австро-Венгрии, данное в 1770 году Марией Терезой

² Подробнее см. Zavorský, S. – Žeňuch, P.: Joannikij Bazilovič TOLKOVÁNIJE Svjaščennyja Liturhiji Nóvaho Zakóna istinnyja Bezkróvnija Žértvy. s. XXXVIII.

зией владельцу венской Иллирийской типографии Йозефу Курцбеку, не изменило традиции ручного производства книг: из 50 изданных им кириллических книг только три были предназначены для населения Мукачевской епархии.³ Потребность в богослужебных книгах, сборниках проповедей, сборниках паралитургических песен, литургиконах и других жанрах на данной территории восполнялась древним способом: переписыванием с более старых источников. Благодаря этому мы имеем возможность наблюдать сохранившуюся преемственность культурной и литургической традиции, а также отсутствие унификации и простор для творчества в рамках этой традиции. Отсутствие печатных книг вынуждало священников создавать необходимые тексты на местах, и этот факт является одним из важных опровержений стереотипа о низком уровне образования местного духовенства. Так из недостатков законсервированная архаика превратилась в культурную специфику региона, благодаря этой традиции рукописные памятники письменности различных жанров дошли до нашего времени, в большинстве случаев в сохранной форме, что позволяет нам исследовать не только материальную, но и духовную культуру региона.

Следует понимать, что духовная культура – это прежде всего проявление нематериальных ценностей, система духовно-нравственных представлений, знаний и мировоззренческих идей, которые присущи определенному культурно-историческому единству и таким образом имеют влияние на становление отдельной личности. Неоспоримым является факт, что на человека XVII столетия важнейшее влияние оказывала религия, основы его мировоззрения закладывались именно в церкви. Церковь давала важнейшие моральные установки; принадлежность к определенному культу наряду с родным языком играла важнейшую роль при самоидентификации личности⁴, участие в богослужении было частью повседневной жизни.

Духовная культура карпатского региона, находившаяся под влиянием византийской обрядовой традиции, благодаря своему пограничному расположению вбирала в себя элементы восточного и западного конгломератов, поэтому как самостоятельная культурная единица она отличается неоднородностью элементов, сосуществующих в рамках одной традиции.

Важную роль в формировании и развитии самостоятельной духовной культуры в этом регионе сыграла вышеупомянутая изолированность бывшей Мукачевской епархии от остальной культурно-конфессиональной среды⁵. Подобная изолированность однако не имела влияния на уровень языковой и теологической подготовки священников, о высоте которого свидетельству-

³ Pop, I.: *Dějiny Podkarpatské Rusi v datech*. s. 163.

⁴ Женюх, П.: *Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии*.

⁵ Vasil' SJ, C.: *Kanonické pramene byzantsko-slovanskej katolíckej cirkvi v Mukačevskej a Prešovskej eharchii v porovnaní s Kódexom kánonov východných cirkví*. Trnava, Dobrá kniha 2000.

ют разнообразные письменные памятники, созданные на указанной территории. В рамках собственной обширной письменной традиции создавались как литургические книги (литургиконы, триодионы, минеи, требники, псалтыри, апостолы, евангелиарии и другие), так и произведения околоритургического характера: книги проповедей, сборники заметок по истории региона и книги по истории церкви, правила церковной жизни, различные толкования и поучения, апокрифы, легенды, повести, сборники житий святых, повествования о происхождении и природе мира и подобные. Литургические и литургическо-обрядовые тексты канонического характера в церкви византийского обряда столетиями оставались неизменными, их использование определялось строгими правилами. Возникновение канона богослужебных текстов – долговременный процесс, в рамках которого возникло несколько вариантов или редакций литургических текстов.

Большое влияние на становление культурно-религиозной традиции имеет литургический язык. Применение старославянского, а позднее и церковнославянского языка в славянском языковом ареале привело к возникновению народных редакций, или изводов, литургического языка. При возникновении отдельной редакции церковнославянского языка важнейшую роль играют местные диалекты, элементы которых проникают прежде всего на фонетический и лексический уровень, несколько реже они встречаются и на уровне морфологическом. Ситуация гомогенного билингвизма⁶ в рассматриваемом нами регионе положительно повлияла на возникновение местного субварианта литургического языка: церковнославянский язык в карпатской языковой среде был довольно легко приспособлен нуждам говорящих и постепенно приобрел характерные знаки местной языковой среды. Таким образом сформировалась галичская редакция церковнославянского языка.

Объединяющим фактором для всех верующих византийско-славянского обряда на территории бывшей Мукачевской епархии является собственный вариант церковнославянского языка и кириллическое письмо, при помощи которого записывается литургический язык.

В связи с этим нужно отметить, что язык литургии не является маркером этнической принадлежности. Эту часть проблематики духовной культуры подробно описал А.Г. Кравецкий⁷, существует также целый ряд публикаций Института славистики им. Яна Станислава Словацкой академии наук⁸.

⁶ Толстой, Н.И.: *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Latina* – общее и различное в литературно-языковой ситуации. In *Избранные труды*, т. 2, с. 30-42.

⁷ Кравецкий, А.Г.: Литургический язык как предмет этнографии. In *Славянские этюды*. Сборник к юбилею С.М. Толстой. Москва 1999, с.228-242.

⁸ См. например, Žeňuch, P.: Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии / *Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku*. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. IV. Bratislava – Roma: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV – Pontificio

Характерной чертой конгломерата *Slavia Byzantina* является использование местных изводов церковнославянского языка, однако в пограничной карпатской территории местной редакции церковнославянского языка не возникло, в качестве литургического языка церкви византийского обряда здесь выступает карпатский субвариант галичской редакции украинского извода церковнославянского языка, наиболее близкий языку местного населения.⁹

В настоящее время в Институте славистики им. Яна Станислава готовится диссертация об Углянских рукописях, которые являются в своем роде уникальными памятниками письменности. Углянское учительное евангелие и Углянский сборник «Ключ», кириллические рукописи конца XVII века, являются ценным источником для исследователей диалектологии, культурно-религиозной традиции, истории литературы и других дисциплин. Рукописи содержат уникальные сюжеты и мотивы, которые сохранились до нашего времени только в этих конкретных памятниках. Таким образом, их значение заключается не только в том, что они являются примером культурной коммуникации между славянским Востоком и Западом, но и в том, что смогли сохранить уникальную прозаическую и легендарную традицию, которая непрерывно развивалась в обеих частях культурно-религиозного славянского мира.

Предполагается, что на основе диссертации о духовной культуре карпатского региона возникнет комментированное издание Углянских рукописей, которое продолжит серию *Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae*, и впоследствии станет частью корпуса памятников письменности карпатского ареала, дающим возможность изучать отдельные языковые, литературные и культурные явления, проявляющиеся в данных памятниках, а также язык, преемственность повествовательных мотивов и многое другое. С лингвистической точки зрения письменные источники из исследуемой области являются занимательным материалом для историко-диалектологического исследования: написанные на церковнославянском языке местного субварианта, они содержат значительное количество диалектизмов и отражают состояние карпатских говоров в определенный период. С фольклорно-литературной точки зрения интересно содержание рукописей – некоторые легенды и апокрифы, характерные для этой области, берут свое происхождение в других культурах.

Istituto Orientale – Slovenský komitét slavistov – Centrum spirituality Východ-Západ Michala Lacka, 2013; Žeňuch, P.: Cyrilská rukopisná tradícia v prostredí gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku. Aktuálne aspekty výskumov. In: Slovenská kresťanská kultúra. osudy a osobnosti. Ostrihom 2010, s.41-67; Žeňuch, P.: Medzi Východom a Západom. Byzantsko-slovanská tradícia, kultúra a jazyk na východnom Slovensku. Bratislava 2002.

⁹ Ср. Zavorský, S. – Žeňuch, P.: Joannikij Bazilovič TOLKOVÁNIE Svjaščennyja Liturhiji Nóvaho Zakóna ístinnyja Bezkróvnija Žértvy c. 32

Углянский сборник Ключ представляет собой книгу размером 29,5х19,5 см. из 111 листов в современном полукожаном переплете. Памятник ветхий, пожелтевшие листы местами проклеены калькой, углы и поля затертые. На переднем форзаце надпись рукой Ю.Яворского: „Углянский сборникъ „Ключъ“. Рукопись конца XVII-го вѣка. 111 листовъ. Приобрѣт. в августѣ 1926 г. в с.Сокирницѣ, Мараморошской жупы, в Закарпатской Руси“. О принадлежности книги Углянскому монастырю свидетельствует приписка на листе 40: *Нзѣ Угль монастырѣ книга.*

Весь сборник написан кириллицей, одним и тем же почерком, но, по видимому, в разное время, то более крупным, то более мелким, иногда переходящим в скоропись полууставом.

Название *Ключ* дано памятнику скорее всего по аналогии с книгой *Ключ разумения* Иоанникия Галятовского, название рукописи встречается в двух маргинальных записях *Сна книга речена Ключа, кто знае добре читати, Магеѣ Штефана и Сна книга нарицаема Ключа.* На обороте листа 30 находится запись, указывающая на год написания памятника: *РокѸ бож. [а]хѣ [1695] мѣѣ апрѣла дня кѣ [25].* Более красноречиво указывает на время написания и вставленное в одно из повествований замечание: *Повстали на него паноѣ арца[г]кин, шбы кѣла забито, так теперь кѣрци [на] нѣмецк[о]го царѣ,* которое относится к последней четверти XVII века, когда историко-политическая ситуация в Венгрии и в Закарпатье была напряженной вследствие войны с турками и восстания куруцов под предводительством Эмериха Текели¹⁰.

По своему характеру и содержанию сборник принадлежит к типу нарочито учительных памятников, предназначавшихся специально для назидательного чтения.

В настоящее время рукопись хранится в архиве Национального музея Чешской республики в Праге под сигнатурой IX С 18.

Памятник разнообразен по своему содержанию, в него входят воскресные *проповеди* (на Пасху, на Цветную неделю, О мытаре и фарисее, на Рождество Христово – две, на 28 неделю „по всех святых“), *поучения* (о гневе, о заповедях, о милостыне, о снах, о манне как пробразе евхаристии, о гордой девице, о страшном суде, об ангеле-хранителе, святого Никифора православным, из Собеседования святого Григория Двоеслова о посещении церкви, о Товите, о суде Божьем, о милостыне и церковных приношениях, о Сусанне и страцах, о значении исповеди, о безмолвии, о ропщущих, о страхе божьем, о беззлобии, о страстях человеческих, о злопамятстве, о злых людях, о слепых вождях – нерадивых священниках), *свод выписок из древних философов и про-*

¹⁰ Яворский, Ю.А.: Новые рукописные находки в области старинной карпаторусской письменности XVI-XVIII вѣковъ. Прага 1931. с.73.

роков, отрывки из Ветхого Завета с толкованием (об осаде Самарии, о взятии Иерихона и блуднице Раав – дважды, о Юдифи, об Ахаре, о сыновьях жреца Или, о пророке Самуиле, о Давиде и жене Урии, поучение о тягости жизни и предпочтении смерти), повесть о Варлааме и Иоасафе с толкованием, притчи (о двух слугах – лукавом и верном), повести из цикла Деяний Римских (о короле, выбранном на один год, о трех истуканах царя Льва, о трех мудростях, о золотом яблоке, о дочери царя Веспасиана и рыцаре, о злодее, о волшебном зеркале), повесть о том, как Иисус Христос учинил кровное братство с Провом, выписки из книги называемой Бисер, выписки из книги Цветник или Лимонарий (о письме господнем к дьяволу, об освобождении Адама в аду от пут), отрывки из книги Месиаш авторства предположительно Иоанникия Галятковского, сказание о Сивилле, апокрифическое слово об Иоакиме и Анне и о рождестве Богородицы, отрывок из „Лимониса“ о Полумпии, разнообразные слова (о монахах первых, последних и о мирских из Патерика, о чужеложнике, о сапожнике, о Соломоновой премудрости и измене его жены, слово святого Василия, о правде), видение святого Макария о загробных мытарствах и о рае, изречения святого Макария, выписки из книги Зерцало или Диотра (о роптании, о безмолвии и другие), известное Сказание о рыцаре и смерти, апокрифическое Сказание Афродитиана о рождестве Христовом, ветхозаветные пророчества (о Святой Троице с апокрифическим мотивом о воскрешении зажаренного тельца, о сожжении Содома и о Лоте), повести (о Семирамиде, о войне, которому Иоанн Златоуст показал бесовское войско), побуждение к молитве (компиляция из разных библейских мотивов), легенда о происхождении павликиан, повесть о дочери Александра Великого Сармовиле и о живой воде, отдельные повести из Физиолога (о олене), духовную песнь грешных людей, апокриф о низвержении ангелов, толкование евангельской притчи о смоковнице, вопросы и ответы о предметах и действиях церковной обстановки и богослужения, церковнославянскую легенду о пустынноике и ангеле, выписки из книги Беседы, слова Иоанна Златоуста (о любви женской, нравоучение на Деяние) и две истории на погребение.

Углянское учительное евангелие – книга форматом 29,5x19,5 см., состоящая из 188 листов в современном полукожаном переплете. Состояние рукописи определяется как удовлетворительное, хотя реставрации она не подвергалась, практически все углы страниц укреплены прозрачной бумагой. Между 128 и 129, 141 и 142 листами не достает листов, а с ним и частей поучений, отсюда можно заключить, что пагинация позднейшая. На переднем форзаце рукой Ю.Яворского надписано: „Углянское Учительное Евангелие. Рук. XVII в. (188 листовъ). Приобрѣт. в августѣ 1929 г. в с. Сокирницѣ, Мараморошской жупы, в Закарпатской Руси“.

Рукопись написана кириллическим полууставом, состоит из трех частей, написанных разным почерком. Первая часть содержит страницы 1 – 14,

на которых размещены три проповеди без евангельских перикоп: на шестую неделю по Пасхе, на Вознесение Господне и на день Святой Троицы.

Вторая часть содержит проповеди практически на целый церковный год, расположенные в последовательном порядке на страницах 15 – 102, 103 – 188. Большинство проповедей второй части имеют евангельские перикопы. Кроме проповедей, здесь содержится рассказ об явлении знамения креста Константину Великому и о находке креста Христова царицей Еленой, рассказ о четырех чудесах Богородицы, несколько рассказов о низвержении ангелов и о подвигах святого Михаила, житие святого Николая и рассказ о его чудесах, повествование, которое является переработкой сказания Афродитиана, апокрифическое повествование о ризах Богородицы и о новом проявлении неверия Фомы и поучение на десять заповедей.

Третья часть складывается из статьи на странице 102б, которая является толкованием притчи о соответствии различных часов дня возрастам человеческой жизни, и многочисленных пометок на полях. Скорее всего, автор третьей части и автор Углянского сборника Ключ – одно и то же лицо.

По своей форме памятник представляет собой типичное учительное евангелие, которое использовалось в церкви при чтении проповеди. Однако, как заметил Ю. Яворский, все три части данного памятника разительно различаются языком повествования, редакцией и содержанием, а также не совпадают ни с одним наике известным учительным евангелием, т.е. являют собой совершенно новые, до сих пор неизвестные редакции текста данного жанра.¹¹

Отдельного внимания заслуживают маргинальные записи, или заметки на полях рукописей. Некоторые надписи являются ссылками на текст Священного писания, другие же чаще всего не имеют прямого отношения к тексту рукописи, но также представляют собой интерес для подробного исследования. Заметки на полях относятся не только ко времени создания памятника, но и к более позднему времени. В частности, из них мы узнаем о некоторых владельцах и исторических событиях, таких, как голод, эпидемии, восстания и т.д. Сличая почерк новейших записей, мы приходим к выводу, что в обеих рукописях пометки сделаны одной рукой, из чего можно заключить, что обе рукописи были до новейшего связаны под общий переплет¹².

Мы надеемся, что издание Углянских рукописей, которое планируется в Институте славистики им. Яна Станислава САН в 2017 году, дополнит мозаику разнообразных памятников письменности карпатского происхождения и принесет научному сообществу новый материал для изучения духовной культуры региона бывшей Мукачевской епархии.

¹¹ Там же, с.45-46.

¹² Там же, с.43.

Литература

- POP, I.: Dějiny Podkarpatské Rusi v datech. Praha, Libri 2005.
- VASILE SJ, C.: Kanonické pramene byzantsko-slovanskej katolíckej cirkvi v Mukačevskej a Prešovskej eharchii v porovnaní s Kódexom kánonov východných cirkví. Trnava, Dobrá kniha 2000.
- ŽEŇUCH, P. – VASILE, C.: Cyrillic Manuscripts from East Slovakia. Slovak Greek Catholics: Defining Factors and Historical Milieu / Cyrilské rukopisy z východného Slovenska. Slovenskí gréckokatolíci, vzťahy a súvislosti. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. I. Roma – Bratislava – Košice: Pontificio Istituto Orientale / Slavistický kabinet SAV / Centrum spirituality Východ – Západ Michala Lacka, 2003.
- ŽEŇUCH, P.: Kyrillische paraliturgische Lieder. Edition des handschriftlichen Liedguts im ehemaligen Bistum von Mukačevo im 18. und 19. Jahrhundert. Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B. Editionen. Band 23. Zugleich: Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. II. Köln-Weimar-Wien: Böhlau Verlag, 2006.
- ZAVARSKÝ, S. – ŽEŇUCH, P.: Joannikij Bazilovič TOLKOVÁNIJE Svjaščénnyja Liturhiji Nóvaho Zakóna ístinnýja Bezkróvnýja Žértvy / Joannicius Bazilovits EXPLICATIO Sacrae Liturgiae Novae Legis veri Incruenti Sacrificii. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. III. Bratislava / Roma: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV / Pontificio Istituto Orientale / Slovenský komitét slavistov / Spolok sv. Cyrila a Metoda, 2009.
- ŽEŇUCH, P.: Источники византийско-славянской традиции и культуры в Словакии / Pramene k byzantsko-slovanskej tradícii a kultúre na Slovensku. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae. Vol. IV. Bratislava: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV / Pontificio Istituto Orientale / Slovenský komitét slavistov / Centrum spirituality Východ-Západ Michala Lacka, 2013.
- ŽEŇUCH, P.: Medzi Východom a Západom. Byzantsko-slovanská tradícia, kultúra a jazyk na východnom Slovensku. Bratislava 2002.
- ŽEŇUCH, P.: Cyrilská rukopisná tradícia v prostredí gréckokatolíckej cirkvi na Slovensku. Aktuálne aspekty výskumov. In: Slovenská kresťanská kultúra, osudy a osobnosti. Ostrihom 2010, s.41-67.
- КРАВЕЦКИЙ, А.Г.: Литургический язык как предмет этнографии. In Славянские этюды. Сборник к юбилею С.М. Толстой. Москва 1999, с.228-242.
- ТОЛСТОЙ, Н.И.: Slavia Orthodoxa и Slavia Latina – общее и различное в литературно-языковой ситуации. In Избранные труды, т. 2, с. 30-42.
- ЯВОРСКИЙ, Ю.А.: Новья рукописныя находки въ области старинной карпатурской письменности XVI-XVIII вѣковъ. Прага 1931.